

– упростить технологии таможенного оформления для производителей, использующих иностранные сырье и материалы, с целью сокращения издержек на логистику и хранение товаров.

– упростить систему учета товаров, используемых для промышленной сборки и переработки, и операций с ними для таможенных целей на основе использования сведений, содержащихся в бухгалтерском учете или обычном коммерческом учете предприятий;

– упростить систему таможенного оформления и контроля в отношении запасных частей к воздушным судам, оборудованию, другим товарам, в отношении которых длительное таможенное оформление приводит к неоправданным издержкам в коммерческой деятельности.

Таким образом, таможенно-тарифная политика призвана стать инструментом реализации приоритетов как внешнеэкономической, так и социально-экономической политики - способствовать ускоренной модернизации высокотехнологичных отраслей российской промышленности и укреплять конкурентные позиции российских компаний на внешних рынках.

Успешное осуществление предложенных мер является неременным условием интеграции России в мировое инновационное пространство.

А.А. БЕНДЕРСКАЯ

Тверской государственный университет

РОССИЯ – ДИКТАТУРА ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?

За последние десятилетия под напором организованного сопротивления народов пали или зашатались многие диктаторские режимы как внутреннего, так и внешнего происхождения. Часто кажущиеся глубоко укоренившимися и непоколебимыми, такие диктатуры оказались неспособными противостоять согласованному политическому, экономическому и социальному неповиновению людей.

Многие страны в настоящее время находятся в состоянии быстрых экономических, политических и социальных изменений. Хотя за последние десять лет число «свободных» стран увеличилось, остается высокая вероятность того, что многие страны перед лицом таких быстрых фундаментальных изменений двинутся в противоположном направлении и испытают

Россия еще не «доросла» до демократии.

новые формы диктатуры. Военные группировки, честолюбивые личности, избранные деятели, а также

догматические партии постоянно пытаются навязать свою волю. Государственные перевороты останутся привычными. Основные права человека и политические права останутся недоступными для огромного числа народов.

К сожалению, прошлое остается с нами. Проблема диктатуры является глубокой проблемой. Народы многих стран испытывали десятилетия или

даже столетия гнета, внутреннего происхождения или извне. Зачастую требовалось беспрекословное подчинение государственным лицам и правителям. В экстремальных случаях социальные, политические, экономические и даже религиозные институты общества, независимые от государства, преднамеренно ослаблялись, подчинялись или даже заменялись новыми, послушными режиму, институтами и использовались государством или правящей партией для управления обществом. Люди часто подвергались разобщению (превращались в массу изолированных индивидуумов) и становились не способными совместно добиваться свободы, доверять друг другу или даже совершать поступки по собственной инициативе. Этими факторами и обосновывается актуальность данной статьи.

Демократия не исключает существование сильной власти.

Так давайте ответим на вопрос: какой тип правления в России — диктатура или демократия?

Начнем с того, что договоримся о том, что мы будем называть демократией, а что — диктатурой. Говоря формально, демократия — власть народа, а диктатура — власть одного человека (или группы лиц, или даже социальной прослойки — вспомним ленинскую «диктатуру пролетариата»). Очевидно, что в чистом виде ни демократии, ни диктатуры не существует: даже в самых демократических странах пусть даже и в небольшой степени, но народом манипулируют те или иные социальные группы и отдельные личности, и даже в странах с самой жесткой диктатурой мнение народа пусть в незначительной степени, но учитывается. Сбивает с толку и запутывает терминологию то, что большинство современных диктаторов именуется президентами, регулярно проводит «выборы» и декларирует «приверженность демократическим ценностям», и то, что абсолютную монархию обычно отличают от диктаторского правления, хотя это тоже власть одного человека или группы лиц.

Поэтому дадим самое простое определение, базирующееся не на теории, политической или социальной, а «ощущениях» простых граждан.

Демократия — это когда подавляющее большинство добропорядочных граждан ощущает, что может в той или иной степени влиять и на результаты выборов, и на стратегию, и на тактику государственной власти, а если власть (правительство, президент, законодательные и судебные органы, силовые структуры и т.п.) будет делать что-то не так, то ее можно и сменить. Причем исключительно конституционным путем, без оружия в руках. И это ключевой факт.

А при диктатуре (как и при абсолютной монархии) общее ощущение у подавляющего большинства граждан совсем иное: данная власть — навсегда, а если она что-то делает не так — потихонечку поругаем ее, поропщем, пожалуемся, расскажем про нее анекдот... Но мысли о ее смене даже не возникнет. Если уж становится совсем невмоготу, люди вооружаются и идут на улицы.

Влияет ли российская ментальность на становление демократии?

Можно сказать еще проще: демократия — разум миллионов, диктатура — разум единиц. Да, огромному и могучему, но при этом инертному и неповоротливому «разуму миллионов» принимать решения гораздо сложнее, но если это получается, то эффективность результатов многократно возрастает. А доверить принятие окончательных и бесконтрольных решений о судьбах миллионов одному лицу, пусть даже нескольким десяткам, — это несравненно проще, но и несравненно опаснее.

Есть одно заблуждение... Состоит оно в том, что при диктатуре власть якобы сильнее, чем при демократии. Часто говорят: «России нужна сильная рука», и обычно подразумевают под этим ту или иную форму диктатуры. Еще сюда часто прибавляют что-то про порядок, стабильность и предсказуемость.

Ни в коем случае не будем спорить с тем, что России (как и США, и Германии, и Франции, и Египту, и Зимбабве, и любой другой стране) нужна «сильная рука». Как и стабильность, как и предсказуемость. Власть должна быть сильной, на то она и власть. Но почему «сильная рука» — обязательно диктатура?

Демократия и мягкотелость, демократия и слабость, демократия и нестабильность, демократия и непредсказуемость, демократия и отсутствие порядка, демократия и анархия — отнюдь не одно и то же. Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт, Густав Маннергейм, Конрад Аденауэр, Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган, Ариэль Шарон, Ангела Меркель... Мало ли история знает примеров «сильных рук», управлявших и управляющих государствами в рамках стабильных и предсказуемых демократических систем?

Просто рядом с одной «сильной рукой» всегда должны быть другие «сильные руки» — оппозиционные общественные движения и деятели, сдерживающие и корректирующие «самую сильную». Вдруг, например, «самая сильная рука» делает что-то не то? Она же не всезнающая, не всемогущая и не непогрешимая. Может быть, так думали и говорили о фараонах, римских папах, императорах, Сталине или Гитлере, но сейчас в этом уже никого всерьез не убедишь.

В связи со всем вышеизложенным можно сделать принципиальный вывод: при прочих равных условиях демократия всегда эффективнее диктатуры, и оправданий для последней нет. Неразвитость общества, требующая абсолютного и непререкаемого авторитета диктатора (будь то президент, император или вождь племени) — не оправдание, а проблема, которую надо решать на пути к более эффективному общественному строю — демократии.

И если общество «не доросло» до демократии — надо отдавать себе в этом отчет и стремиться поскорее «дорости», а не превращать слово «демократия» чуть ли не в бранное, как это, к сожалению, имеет место в современной России.

Мы далеки от того, чтобы винить в этой ситуации руководство страны, и тем более кого-то из его представителей лично. Когда российское общество

Существуют ли в современном российском обществе предпосылки к формированию демократического режима?

могло успеть «дорости» до развитых демократических институций, характерных для цивилизованных стран, если фактически история современной Российской Федерации насчитывает чуть более двадцати лет? А до этого единственным демократическим периодом в истории российского государства были несколько бурных месяцев с марта по октябрь 1917 года, и это была скорее анархия, нежели демократия. То же самое можно сказать и про конец 1980-х — начало 1990-х годов.

Но надо это понимать, признавать и целенаправленно заниматься становлением демократии как это, например, было сделано в Испании после смерти генерала Франко. А делать вид, что все нормально, что все так и должно быть, и более того — что демократия России вообще ни к чему, — это означает уподобиться страусу, прячущему голову в песок.

И самое неприятное, что это уподобление страусу имеет под собой объективную основу: пускать что-либо на самотек и ничего не делать — вообще проще, чем трудиться, и этому всегда можно найти уйму оправданий на уровне: «Не получается, ну и не надо!».

При прочих равных условиях демократия всегда эффективнее диктатуры, и оправданий для последней нет.

Есть и еще один негативный фактор, еще более серьезный: движение от диктатуры к демократии противоречит базовому инстинкту, сформулированному Фридрихом Ницше, — стремлению к неограниченной власти над себе подобными. Поделиться властью, а тем более добровольно отказаться от нее, — психологически очень и очень непросто.

А ждать от рядовых граждан современной России, что они станут бороться за становление демократии, — вообще наивно. За счет свободы предпринимательства, нефтегазовых доходов и общих достижений научно-технического прогресса среднему россиянину сейчас живется несколько лучше, чем 20 лет назад, — так зачем ему идти против течения? Формально (да и фактически) никто не запрещает ему проголосовать на выборах против правящей партии, вступить в оппозиционную партию, пойти на митинг... Но ведь так хочется спокойной жизни, так хочется быть как все, а то вдруг потом будет хуже, да и лучшее, как известно, враг хорошего...

И получается замкнутый круг: люди не хотят идти в оппозицию, поэтому реальной оппозиции и нет. Откуда ей взяться, если люди в нее не идут? И не надо запрещать никакие политические партии, не надо никого преследовать за политические убеждения, не надо закрывать никакие газеты, не надо разгонять протестные митинги, не надо даже фальсифицировать результаты выборов: если пустить ситуацию на самотек, то оппозиция тихо умрет сама, как она фактически умерла в России в течение последних десяти лет.

И сегодня ни одну крупную российскую политическую партию нельзя назвать оппозиционной — разве что формально. Реальной альтернативы существующей власти в России сегодня нет.